

Литература по археологии в Узбекистане

Задачей настоящего очерка является общий обзор наиболее интересных работ, вышедших в течение последних лет в Узбекской ССР. Они издавались преимущественно Узкомстарисом¹ и в ежемесячнике Комитета наук Узбекской ССР «Социалистическая наука и техника». Наибольшее количество археологических работ по Узбекистану принадлежит М. Е. Массону, затем Шишкину, Григорьеву, Букничу и Воронцу.

Прежде всего остановимся на работах М. Е. Массона. М. Е. Массон разрабатывает и пропагандирует вопросы прикладной тематики археологии. В этом отношении особого внимания заслуживают его очерки и статьи по истории горной промышленности и металлургии Средней Азии (преимущественно Таджикистана) и древнего водоснабжения². В многочисленных, хотя и небольших по размеру, статьях М. Е. Массон публикует сведения по истории материальной культуры различных эпох и разных уголков богатой древностями территории Узбекистана. В числе их, несомненно, ценнейшим следует считать очерк, посвященный находке фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры³. Одновременно М. Е. Массон продолжает плодотворно вести давно уже начатую им регистрацию нумизматических находок на территории всей Средней Азии. Утвари клада фальшивомонетчика, найденного близ Ташкента, проливают новый свет на историю денежных отношений в Джагатайском и Джучидском государствах XIV в.⁴

Точка зрения М. Е. Массона на задачи археологии в Узбекистане стоит в полном соответствии с задачами нашей науки на историческом фронте. Так, он пишет: «Главные направления в планах дальнейших археологических работ диктуются теперь необходимостью составления той или иной части марксистской истории всего мира, в том числе и народов СССР. Наибольшее количество сил и средств поглотит разрешение именно таких основных для советской археологии задач, которые в каждый данный момент, как первоочередные, выдвигаются нашим всесоюзным историческим фронтом»⁵. Однако следует отметить, что М. Е. Массон не подошел еще к практическому осуществлению этой почетной для каждого археолога задачи по разработке наиболее узловых и актуальных вопросов истории древних народов Средней Азии и собственно Узбекистана. Уже в самой тематике М. Е. Массона видны «боязнь смелой постановки теоретических вопросов»⁶ и уход в эмпиризм, который выражается

¹ Узбекский комитет по изучению и охране памятников материальной культуры.

² М. Е. М а с с о н—История горной промышленности Таджикистана. АН СССР, М.—Л., 1934; «К истории горной промышленности Карамазара», «Труды Таджикстанской базы АН СССР», т. IV, М.—Л., 1935; «Проблема изучения дистерны-сардоба». «Материалы Узкомстариса», вып. 8, Ташкент, 1935; «Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии», Ташкент, 1937.

³ Е г о ж е—К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии, «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936; «Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935)», журн. СОНАТ, 1936, № II; «Разрыв берегов Аму-Дарьи и археологические памятники правобережного Хорезма», СОНАТ, 1936, № 5; «К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана», СОНАТ, 1937, вып. I; «Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.», «Материалы Узкомстариса», вып. I, Ташкент, 1933; «К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма», СОНАТ, вып. 6, 1938.

⁴ Е г о ж е—Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., «Материалы Узкомстариса», вып. 5, Ташкент, 1936; «Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом», «Материалы Узкомстариса» вып. 4, Ташкент, 1933.

⁵ Е г о ж е—Прикладные задачи археологии, стр. 4.

⁶ Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», разд. 12.

у него, как мы увидим ниже, в простом подборе различных сведений для истолкования или, вернее, описания того или иного исторического факта или явления в области материальной культуры. В какое безвыходное положение завела М. Е. Массона боязнь теоретических вопросов, может быть продемонстрировано на примере эволюции его определения социально-экономических отношений в доарабской Средней Азии. В 1935 г. М. Е. Массон, следуя А. Ю. Якубовскому¹, писал, что «новая эра в истории горной промышленности Средней Азии наступает с эпохи арабского завоевания в VIII в. Развитие товарного хозяйства и кустарной промышленности кладет начало процессу разложения старых феодальных отношений, затянувшихся на многие столетия»². Что мы имеем здесь не случайную описку автора (разложение феодализма к концу VIII в.), видно из того, что наш автор в другой статье (1936 г.) относит кушанские памятники первых веков нашей эры с развалин древнего Термеза «к культурам феодального общества ранних исторических эпох»³. В последующих работах М. Е. Массон предпочитает, повидимому, ради осторожности, называть эту эпоху «дофеодальной» или еще более нейтрально — «домусульманской», но не расширявает социального содержания этих терминов⁴.

Включение в дофеодальный период тысячелетней истории классового общества (до VIII в.) на территории Средней Азии может квалифицироваться, как простой отказ от исторического анализа, как боязнь теоретических вопросов.

Эмпиризм М. Е. Массона, как мы отметили, заключается в том, что он перегружает свои статьи различными литературными сведениями и фактами, причем нередко такими, которые не имеют и не могут иметь научного значения. Например, описывая цистерну-сардобу Мурзарабат, он собирает здесь всевозможные сообщения о находящемся рядом с ней каравансарае. Они состоят, главным образом, из перечисления «забот» русских чиновников конца XIX в. о реставрации разрушающегося каравансарая (хотя бы на суммы «земских сборов»), но не содержат никаких положительных данных о его архитектурном облике и хронологии⁵. Такие работы М. Е. Массона, как, например, «Проблема изучения цистерн-сардоба» и «История горной промышленности Таджикистана», могли бы быть сильно сокращены за счет аппарата и самого текста. От сокращения они, несомненно, только выиграли бы в четкости и ясности изложения. К этой же категории данных принадлежат различные автобиографические сведения, часто встречающиеся в статьях М. Е. Массона. Например, оказывается, что археолого-архитектурное и инженерно-гидрологическое исследование древних водохранилищ-сардоб, помимо других причин, задержалось с 1931 г. на несколько лет из-за тяжелого заболевания М. Е. Массона⁶. Обследование одной части территории древнего Тохаристана сорвалось из-за неожиданного заболевания руководителя разведочного отряда М. Е. Массона⁷. В одном месте мы узнаем, что М. Е. Массон является «специалистом по истории материальной культуры» и т. д.⁸ Впрочем, следует отметить, что в вопросах истории материальной культуры М. Е. Массона, как «специалиста», интересуют не столько археологические материалы, как вид исторического источника, сколько различные письменные свидетельства. В этом отношении весьма показательна вышеупомянутая его работа по истории горной промышленности Таджи-

¹ С. П. Толстов — Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 192.

² М. Е. М а с с о н — К истории горной промышленности Карамазара.

³ Е г о ж е — Археологические работы в Узбекистане, стр. 48.

⁴ Е г о ж е — К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма, стр. 68 и — К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, стр. 102.

⁵ М. Е. М а с с о н, — Проблема изучения цистерн-сардоба, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 9.

⁷ Е г о ж е — К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, стр. 100.

⁸ Е г о ж е. — Прикладные задачи археологии, стр. 15.

кистана. Несмотря на то, что автор лично обследовал следы древней горнопромышленной деятельности человека на горах Карамазар и дал несколько ценных историко-географических наблюдений, описания этих следов столь общи и неконкретны, что они не могут удовлетворить практическим требованиям археологии. Чтобы получить фактические сведения об упоминаемых М. Е. Массоном остатках плавильных печей, полей шлаков, рудников и даже развалин древних селений, приходится обращаться к инженерно-геологическому труду Б. Н. Н а с л е д о в а — Кара-мазар (АН СССР, 1935).

Очерки Г. В. Григорьева освещают результаты археологических разведок и раскопок близ Ташкента в Янгиюльском районе и около Самарканда на развалинах укрепления Тали-Барзу¹.

Г. В. Григорьев в отчете о работах в Янгиюльском районе относит к сакской эпохе группу холмов «тепе» с культурными наслоениями, которые он предпочитает называть «архаическими городищами».

Редакция Узкомстариса отмечает спорность расшифровки археологических материалов, какую дает Г. В. Григорьев, считая, однако, принципиально интересной постановку «забытой проблемы о саках, некогда занимавших территорию Ташкентского района»². Действительно, памятники материальной культуры сакских и массагетских племен в Средней Азии остаются до сих пор совершенно неизвестными для археологии.

Неизученность материальной культуры сакской эпохи вообще заставляет нас ранее всего остановиться на методах, руководствуясь которыми Г. В. Григорьев относит «архаические городища» к сакскому времени.

На основании общих соображений об археологических материалах с «архаических городищ» Е. В. Григорьев устанавливает, что они относятся к железной эпохе и их обитатели по уровню материальной культуры стоят ближе всего к сакам античных авторов (Геродота, Арриана и Страбона)³. По этому поводу он пишет следующее: «Повидимому, остатки этих (сакских.—А. Т.) «городов» мы имели в настоящее время в виде «тепе», которых в этих местах имеется довольно много⁴, и если это предположение правильно, то мы имеем опору в исторических источниках для датировки городищ. Тогда устанавливается, что стены, обнаруженные на первом полукольце поселений архаического типа, уже существовали ко времени похода Александра Македонского, так как при восстании (против него.—А. Т.) население их лишь сильнее укрепило. Тогда культурные наслоения лежащие под этими стенами и до периода землянок... можно датировать периодом от появления железа и до IV в. до н. э.»⁵. Мы не отрицаем того, что тепе или отдельные наслоения в них образовались в сакскую эпоху. Тем не менее, мы вынуждены обратить внимание на то, что подобного рода умозрительные сравнения археологических и исторических сведений не могут служить доказательством и основанием для широких исторических построений, какие пытается сделать из них Г. В. Григорьев.

Чувствуя необоснованность своего сопоставления, Г. В. Григорьев обращается к археологическим материалам, как таковым, и утверждает, что они вполне подтверждают его положение о датировке «архаических городищ» второй половиной I тысячелетия до н. э. Здесь он базируется лишь на случайном сходстве только одного кубковидного сосуда с ручкой в виде барана из Каунчи-тепе с некоторыми сосудами из погребений III—II вв. до н. э. на Северном Кавказе и в Причерноморье⁶. Известно, что датировка больших комплексов по отдельным предметам невозможна или очень

¹ Г. В. Григорьев—Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР, Ташкент, 1935 и Тали-Барзу, СОНАТ № 2—3, 1938 г.

² Е г о ж е—Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 24—27.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 38.

опасна. Тем более приходится быть осторожным при датировке по сосудам домашнего производства, которые далеко не всегда могут служить руководящими формами. Напомним Г. В. Григорьеву, что он прекрасно иллюстрировал это на образцах современной керамики горных таджиков, которые носят на себе все черты сходства с сосудами из раскопок Шлимана в Гисарлыке¹.

Вследствие того, что Г. В. Григорьев не сумел доказать принадлежность «архаических городищ» сакам, мы не считаем возможным останавливаться здесь на разборе его социологических построений, изложенных в разделе «Исторические силуэты». Они пространны, абстрактны и даже несколько сумбурны (см. о Шаш-тепе, стр. 35 и 40).

Разведочное обследование и раскопки замка Тали-Барзу близ Самарканда дали любопытный комплекс археологических материалов, который может быть датирован, с нашей точки зрения, временем первых веков нашего летосчисления.

Для датировки археологического комплекса о Тали-Барзу Г. В. Григорьев вновь берет лишь один предмет—кувшин с ручкой, в основании которой помещена мужская головка (маска), и сравнивает его с помпейской энохоей (I) III—II вв. до н. э. Заметив между ними схематическое сходство, он делает вывод, что замок Тали-Барзу относится ко времени Александра Македонского². В конечном счете этот вывод столь же шаток, как и датировка янгиюльских «архаических городищ» сакской эпохой.

Если работа о разведках в Янгиюльском районе обнаруживает «шероховатости», как заметила в свое время редакция Узкомстариса, то очерк «Тали-Барзу» носит на себе явные следы небрежности. Приведем несколько примеров. В одном месте Г. В. Григорьев пишет: «Анализ изображения головки под ручкой сосуда приводит к следующим выводам. Прежде всего, это не корона, так как в основе короны лежит повязка-диадема, здесь повязки нет»³. О какой короне идет речь—неясно, так как автор забыл предварительно описать самую головку и упомянуть, что на ней видны следы головного убора, к полемике о котором он так неожиданно переходит. Небрежность автора граничит местами с исторической неграмотностью. Так, он пишет: «После его (Александра Македонского.—А. Т.) смерти (323 г. до н. э.) огромная монархия распалась. Образовалось 3 эллинистических государства с центрами в Македонии, Египте и Иране. Последнее государственное образование известно под названием Селевкидов, по имени главного города Селевкии (?) в Месопотамии»⁴. Да будет известно уважаемому автору, что город Селевкия и государство Селевкидов получили свое имя от Селевка, полководца Александра Македонского.

Работа В. А. Шишкина—«Архитектурные памятники Бухары» (Ташкент, 1936) представляет собой историко-археологический путеводитель. Достоинством его является то, что он впервые знакомит советского читателя и науку с архитектурным богатством одного из древнейших городов Средней Азии. Автор делает опыт обзора архитектурного облика города, начиная с первых письменных известий о нем, и доводит его до середины XIX в., т. е. до русского завоевания. Описываются не только культовые памятники (мечети, медресе и минареты), которыми обычно пестрят издания по зодчеству Востока, но и многочисленные гражданские сооружения г. Бухары, как-то: крытые рынки, бани, зиндая (эмирская тюрьма), городские стены, ворота и т. д. К сожалению, по неизвестным нам причинам автор совсем не останавливается на описании жилой архитектуры, а она для Бухары представляет большой интерес.

Намечая периодизацию истории Средней Азии в связи с историей г. Бухары, В. А. Шишкин целиком стоит на точке зрения А. Ю. Якубовского, развитой им в ряде

¹ Е го же—Археологические черты в производстве горных таджиков, ИГАИМК, т. X, вып. 10, 1931.

² Е го же—Тали-Барзу, стр. 79—81.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 82.

работ по различным вопросам Средней Азии¹. Суть ее несложна. Тем, что вся эпоха до арабского завоевания рассматривается в свете безраздельного господства феодальных отношений, «феодално-крепостного строя», отрицается рабовладельческий период в истории Средней Азии. В периодизации истории Средней Азии после арабского завоевания В. А. Шишкин не идет дальше заключений А. Ю. Якубовского о подъемах и упадках феодальных государственных образований вследствие борьбы и взаимодействия центростремительных (торговый капитал) и центробежных (крупные и мелкие феодалы, родовой быт и угнетенные слои населения) сил.

Д. Д. Букинич, исследуя гравийные линзы с перебитыми культурными остатками IX—XII вв. н. э., погребенные в лессовых отложениях берегов канала Боз-су в Ташкенте², делает попытку восстановить первоначальный ландшафт Чирчикской долины. По мнению автора, он имел «вид плоскодонных долин, по которым блуждали так называемые «дикие воды», не имеющие еще определенного русла». На этих, потоках селился исторический человек, высокая культура которого устанавливается с IX в. н. э. IX—XII вв. в истории Средней Азии характеризуются интенсивным ростом земледелия и увеличением разбора воды на поля в главных артериях бассейна Аральского моря. Разбор воды вызвал резкое понижение базиса эрозии рек, что влечет за собой исчезновение блуждающих потоков, заглубливание рек и каналов, а вместе с тем и формирование современного ландшафта Чирчика и Баз-су. Вопрос о влиянии человека на формирование ландшафтов Средней Азии, поставленный автором, представляет большой интерес. Тем не менее к его выводам приходится подходить с большой осторожностью, так как они построены на слишком ограниченном количестве наблюдений. В частности Д. Д. Букинич не принял во внимание образования гравийных линз с культурными остатками в результате горных, так называемых силовых, потоков, которые весьма обычны для приташкентских районов, а учет их роли мог бы коренным образом изменить его гипотезу.

В статье опубликован небольшой, но точно датированный находкой клада караханидских монет, археологический материал X—XII вв. Относительно археологических материалов Д. Д. Букинич замечает, что в культурных наслоениях по Боз-су «доарабская керамика смешана с керамикой XI—XII вв.»³. Группу доарабской керамики, по его словам, составляют сосуды, изготовленные без применения гончарного круга с ясными следами красноватого лощения. Нам известно, что подобного рода керамика давно уже является камнем преткновения в среднеазиатской археологии. Например, В. Л. Вяткин выделил среди находок на Афрасиабе особую группу сосудов, которые отнес к «Трипольской» культуре IV—III тысячелетия до н. э.⁴ «Черепки, характерные для Триполья, — пишет В. Л. Вяткин, — на Афрасиабе находятся в разных слоях почвы и даже в отхожих местах первых веков ислама»⁵.

Нашими раскопками 1936 г. на развалинах Тараза, на месте теперешнего города Джамбула в Южно-Казахстанской области Казахской ССР, был вскрыт культурный слой X—XII вв.⁶

Он содержит большое количество поливной и неполивной посуды, несколько

¹ См. соответствующие места в следующих работах А. Ю. Якубовского — Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. АН СССР, 1933; «Развалины Ургенча», ИГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930; «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», ИГАИМК, т. VIII, 1931; Б. Греков и А. Якубовский — Золотая орда, Л., 1937, стр. 1—130.

² В. А. Шишкин — Архитектурные памятники Бухары., стр. 12.

³ Там же, стр. 72.

⁴ В. Л. Вяткин — Городище Афрасиаб, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Экспедиция ГАИМК под руков. А. Н. Бернштама.

целых и фрагментированных сосудов с красным лощением, изготовленных, как и Бозсуйские, по Д. Д. Букиничу, без применения гончарного круга.

Приведенные примеры показывают, что мы имеем здесь дело не с перемешанными культурными слоями разных эпох, а с довольно общим явлением, которое оставалось совершенно непонятным для археологов-формалистов. Они, вопреки фактам стратиграфии об одновременности тех и других остатков, причисляли их к различным историческим периодам. Они не могли понять того, что в средневековом быту возможно существование ремесла, дававшего прекрасные образцы поливной и неполивной посуды, и, с другой стороны, домашнего производства ее, в котором сохранялись чрезвычайно архаические черты.

Статья М. Э. Воронца, посвященная двадцатилетию Октября, подводит итоги археологических и ремонтно-реставрационных работ в Узбекистане¹. Итоги эти значительны. На место частного коллекционерства и любительства дореволюционного времени, которые часто приносили археологии не пользу, а вред, пришло глубокое и планомерное изучение материальной культуры древних народов Узбекистана. Руководство археологическими работами в настоящее время сосредоточено в Узбекском комитете по изучению и охране памятников материальной культуры, объединяющем большой коллектив археологов и архитекторов. В работах Узкомстариса, успешно развернувшихся на развалинах Термеза, в Самарканде, около Ташкента, в Бухаре и на территории древнего Хорезма, принимают участие не только местные силы, но и работники московских и ленинградских научно-исследовательских учреждений.

М. Э. Воронец, отмечая достижения по археологии рабовладельческой и феодальной эпох, ставит вопрос об изучении памятников доклассового общества в Узбекистане, на которые до сих пор обращалось слишком мало внимания. Инициатива Узкомстариса в изучении древних культур оказалась своевременной и увенчалась в 1938 г. эпохальным открытием А. П. Окладниковым в южном Узбекистане черепа и других костных останков неандертальского человека.

А. Тереножкин

Из литературы об ал-Идриси

O. J. TUULIO (TALLGREN).—*Du nouveau sur Idrisi. Sections VII₃, VII₄, VII₅. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la péninsule balkanique au Sud.* Edition critique, traduction, études. Helsinki, 1936. X+242 pp. 8°. С приложением 17 факсимиле из рукописей и 4 карт (Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. № VI, 3).

Среди западноевропейских исследователей «монументального памятника географии» ал-Идриси (XII в.) в последние годы особо выделяются работы финляндского ученого О. Туулио-Tallgren. В 1930 г. в работе «Idrisi. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux (Géographie, VII₄)», им совместно с А. М. Tallgren были критически изданы, переведены и исследованы те места труда ал-Идриси, которые имеют отношение к Финляндии и другим восточнобалтийским странам, с приложением соответствующих факсимиле из всех известных рукописей ал-Идриси (Studia Orientalia, III). Позже, в 1934 г., на базе тех же арабских текстов, появилась его небольшая статья, озагла-

¹ М. Э. Воронец—Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в Узбекской ССР, СОНАТ, 1937, № 10—11.